

От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности³⁹

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

В тексте рассматриваются основные изменения, которые произошли в дискурсе о сексуальности в постсоветском обществе⁴⁰. В качестве аналитического инструмента для описания устойчивых конфигураций повседневных и публичных дискурсивных практик предлагается использовать понятие «дискурсивный режим сексуальности», которое реконструируется на основании эмпирических исследований.

Интерпретации сексуальности в приватной жизни и в официальных репрезентациях во многом схожи и гомологичны, однако между ними всегда существуют зазоры и разрывы. Сфера сексуальности позднесоветского периода характеризуется структурным расхождением между официальными и приватными (повседневными) интерпретациями, советским пуританизмом публичного замалчивания и крайне низкой степенью институциональной рефлексивности в отношении вполне либеральных сексуальных практик. Публичное замалчивание сексуальности, закрытость профессиональных дискурсов, отсутствие образования и гласного обсуждения быстро либерализующихся сексуальных практик, вытеснение обсуждения сексуальности

³⁹ Ранняя версия этого текста опубликована в «Гендерных исследованиях» (2004. № 11. С. 176–186).

⁴⁰ В настоящее время различным аспектам трансформации сексуальных отношений в России посвящено большое число академических публикаций. Мы здесь упоминаем только некоторые из них.

в сферу теневого фольклора — все это позволяет назвать позднесоветский дискурс о сексуальности лицемерным.

В постсоветский период в России разрыв между публичным и повседневным приватным дискурсом существенно сокращается. Сексуальность репрезентируется в разнообразных конкурирующих между собой публичных и частных дискурсах. На смену дискурсивному лицемерию, обеспеченному цензурой, приходит рационализация сексуальности, основанная на натурализации, с одной стороны, и коммерциализации — с другой. Эти тенденции воплощаются в репрезентациях, институциональных системах и в повседневном опыте.

Дискурсивный режим сексуальности как аналитический инструмент

Мы реконструируем режимы сексуальности, которые регулируют действия и взаимодействия людей в различных контекстах и управляются официальными и повседневными дискурсами. Различные дискурсивные режимы предполагают артикуляцию разных идентичностей и сексуальных практик.

Хотя предлагаемый нами термин ассоциируется с понятием «гендерный режим», используемым Р. Коннеллом, смыслы этих терминов существенно различаются. Проясним нашу позицию. Термин «гендерный режим» описывает конфигурацию структурных ограничений и гендерно маркированных практик (опытов) на уровне социальных институтов. Социальный институт понимается в данном случае в духе теории структуризации Э. Гидденса как совокупность устойчивых воспроизводящихся практик, регулируемых соответствующими правилами и ресурсами (Гидденс 2003). Гендерно маркированные действия агентов в социальных институтах задаются внешними по отношению к ним гендерными иерархиями и таким образом воспроизводятся. Одновременно индивидуальные и коллективные практики агентов способны изменять структурные рамки гендерного порядка (Connell 1987).

Сексуальные отношения являются базовыми для гендерного порядка. В каждом обществе существуют внешние по отношению к индивиду правила организации сексуальности, закрепленные в устойчивых практиках (взаимо)действия. Такие правила вырабатываются гендерной и сексуальной политикой

и идеологией, законодательным и институциональным регулированием брачного, репродуктивного и сексуального поведения, культурными дискурсами, имеющими давнюю традицию или претендующими на новаторство и авангардизм. Практики частной интимной жизни необязательно жестко соответствуют внешним предписаниям, повседневный опыт часто отклоняется от них, в результате чего возникают новые конфигурации практик и структур, в том числе и в сфере сексуальных отношений.

Итак, режимы сексуальности — это относительно автономные способы организации сексуальных отношений, представляющие собой совокупность внешних (структурных) условий, предписаний и ограничений, с одной стороны, и практических действий агентов — с другой. В рамках режимов производятся и воспроизводятся характерные для них сексуальные практики: так, например, сексуальная жизнь общеобразовательной школы отличается от сексуальных практик промышленного предприятия или железнодорожного вокзала.

Сексуальные режимы можно исследовать по-разному. В данном случае мы рассматриваем их через призму репрезентаций, представленных в публичных и частных дискурсах (рассказах о повседневной жизни⁴¹), и потому говорим о дискурсивных режимах сексуальности, которые репрезентируют практики и конструируют их. На основе анализа биографических интервью и официальных текстов советского и постсоветского времени⁴² мы выделяем ряд критериев, по которым можно реконструировать дискурсивные режимы сексуальности.

⁴¹ О сценариях сексуальности как совокупности дискурсивных практик повседневности см.: Темкина 2002.

⁴² Анализ официального советского дискурса осуществлен на основе профессиональной литературы (сексологической, культурологической, психологической, педагогической, социологической, просветительской), посвященной «половым отношениям» 1960–1980-х годов. Изучение публичного постсоветского дискурса основано на выборочном анализе журналов, профессиональной литературы и на вторичных исследованиях. Анализ повседневного дискурса осуществлен на основе 25 интервью с мужчинами и 25 — с женщинами (городское образованное население), проведенными в 1995–1996 годах в рамках российско-финского проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России».

1. *Позиция в рамках шкалы отношения к гомо-гетеросексуальности.* Дискурсивный режим доминирующей гетеросексуальности характерен для большинства современных обществ, однако характер доминирования может различаться по степени репрессивности и уровню толерантности в отношении сексуальных меньшинств. В одних контекстах гомосексуальность может считаться преступлением, в других — маркером социального престижа и т. д. Этот режим определяется законодательными актами, уровнем общественной толерантности к другим сексуальным предпочтениям (отношение к нетипичности), степени социальной интеграции гомосексуальных сообществ, интерпретацией гомосексуальных практик в повседневности.

2. *Позиции в рамках шкалы гендерных различий от «двойного стандарта» до «гендерного равенства».* Этот критерий задает диапазон и признаки различий в предписаниях по поводу сексуальности, адресованных мужчинам и женщинам. Иногда эти различия достигают степени поляризации и культурного противопоставления, чреватого конфликтом. В большинстве обществ от мужчины ожидается активность, инициативность и ответственность в сексуальных отношениях; мужская сексуальность и мужское желание репрезентируются как природно обусловленные, полигамные, доминирующие. Желание и сексуальное удовлетворение женщин замалчиваются, оцениваются как незначимые или опасные. В обществах, переживших сексуальную революцию, гендерные различия в сфере сексуальности переосмысливаются, двойной стандарт ослабевает или сходит на нет, дискурсивный режим сексуальности становится гомогенным. Сексуальные различия не осмысливаются как условия неравенства.

3. *Дискурсы различаются по критерию соотношения сексуальности и деторождения,* варьируя от синкретизма до полной автономизации сексуальности и отделения ее от репродуктивных практик. В некоторых обществах и социальных группах сексуальные отношения признаются единственно легитимными, если они мотивированы репродуктивными целями и ограничены рамками брака. Такой режим поддерживается традицией, государственными институтами, политикой, идеологией. В других (со)обществах сексуальность рассматривается гораздо шире: в частности, легитимными считаются добрачные

и внебрачные отношения, не мотивированные репродуктивными целями.

4. *Критерий соотношения сексуальности и романтической любви.* Романтический дискурсивный режим связывает сексуальные отношения с романтическими чувствами, при этом сексуальность репрезентируется как следствие и выражение любви и страсти. Предполагается, что браки должны основываться на любви, а любовь является средством индивидуализации, выбора и самовыражения (Giddens 1992). Романтический режим сексуальности поддерживается разного рода любовными дискурсами, циркулирующими в публичных и повседневных репрезентациях.

5. *Критерий соотношения сексуальности и дружеских гетеросексуальных связей.* В рамках коммуникативного режима сексуальность описывается как средство или составляющая часть гетеросоциального общения; в основе сексуальных отношений лежат общие интересы, сходный стиль жизни, дружба между мужчиной и женщиной. Данный режим поддерживается дискурсами о дружбе, гетеросоциальными неформальными сетями, формальными и неформальными сообществами. Осуществление некоторых сексуальных практик (например, промискуитетных) в дружеских кругах может служить маркером принадлежности к социальной среде.

6. *По критерию коммерциализации сексуальных отношений* режимы могут различаться в диапазоне от откровенно рыночных до таких, где сексуальные взаимодействия, построенные на экономической выгоде, считаются нелегитимными. В условиях рыночного дискурсивного режима сексуальность рассматривается как предмет торга и обмена. Обладатели престижной сексуальности ожидают материальных или символических благ, секс рассматривается как «делка» между секс-работниками и клиентами, спонсорами и экономически зависимыми лицами. Рыночный режим вновь получает широкое распространение по мере новой волны коммерциализации сексуальности и развития секс-индустрии и, как правило, характеризуется асимметрией мужских и женских ролей, при которой позицию экономического доминирования занимают мужчины.

7. *Критерий ценности сексуального удовольствия.* Шкала различий в данном случае — от гедонизма до пуританства. Гедонистический режим связывает сексуальность с телесными

удовольствиями. Сексуальные отношения рассматриваются как автономная от брака и репродукции сфера жизни и интерпретируются как естественная индивидуализированная потребность, как реализация природного желания. Сексуальное наслаждение является основной смысловой рамкой для обсуждения интимных связей. Такой дискурсивный режим подерживается обществом либерализованной сексуальности и массового потребления, в котором сексуальность получает широкую репрезентацию в масс-медиа, искусстве и секс-индустрии. Пуританский режим не обсуждает тему сексуального удовольствия, считая это неприличным и/или незначимым.

8. По критерию отношения «сексуальность — риски безопасности» режимы варьируют от признания сферы сексуальности сферой повышенных рисков до дискурса о безопасном сексе, не влекущем ущерба для личности. В рамках режима риска сексуальность рассматривается как причина и источник социальных болезней — насилия, эпидемий, моральной деградации и т. д. Проституция, болезни, передающиеся половым путем, разного рода преступления на сексуальной почве могут интерпретироваться как результат «падения нравов» и «морального разложения» или как социальные проблемы, вызываемые бедностью, недостатками сексуального просвещения или процессами глобализации. В рамках дискурсивного режима безопасного секса подчеркиваются условия, обеспечивающие избегание рисков, — контрацептивные практики, сексуальные знания, ответственное поведение партнеров.

Позднесоветские режимы сексуальности

Для обсуждения сексуальных отношений в позднесоветский период характерно постоянное воспроизводство разрыва между официальными и повседневными дискурсами. На протяжении всего советского времени существовали сексуальные практики, не совпадающие с официальными предписаниями, однако начиная с 1970-х годов разрыв повседневного дискурса и идеологии приобрел системный и рутинный характер.

Публичные интерпретации половых отношений в позднесоветском дискурсе утверждали эксклюзивную моральность супружеского и романтического секса, естественность гендерных различий, активность мужской сексуальности, сексуаль-

ную пассивность женщины и ее материнское предназначение. Профессиональные дискурсы (медицинский, сексологический и гигиенический, а также педагогический, психологический и научно-публицистический) поддерживали нормативные предписания (см.: Темкина 2003). Нормой считалась брачная сексуальность, основанная на взаимной любви и духовной близости; предполагалось, что сексуальные отношения в браке обязательно приводят к рождению детей. Сексуальность (половые отношения) не являлась предметом широкого публичного обсуждения, репрезентации были ограничены профессиональными рамками.

В повседневных дискурсах и в критическом публичном дискурсе воспроизводились данные нормы, но в то же время происходили существенные изменения сексуальных практик. А. Роткирх называет эти изменения «революцией в повседневности» (Rotkirch 2000: 24), способствующей распространению внебрачной и внерепродуктивной сексуальности. Начиная с 1960-х годов отмечается значительный рост разводов, повторных браков, происходит нормализация добрачных и внебрачных связей (адюльтера) в массовой культуре и повседневной жизни, а также проблематизация официального дискурса в периферийных научно-публицистических дискурсах. Разрыв в публичных и повседневных репрезентациях позволил назвать такую сексуальность лицемерной (Zdravomyslova 2001). Сексуальная сфера в основном замалчивалась; она характеризовалась низкой степенью институциональной рефлексивности (отсутствием доступного экспертного знания, институционального обеспечения репродуктивного планирования и т. д.).

Рассмотрим, как воспроизводился разрыв публичных и частных дискурсов сексуальности, обеспечивая их непротиворечивое сосуществование.

Итак, для позднесоветской сексуальности характерно господство гетеросексуального и гендерно иерархизированного режимов сексуальности, основанных на доминанте мужской сексуальности. В официальном публичном дискурсе ядро составляет синкретизм брака—репродукции—секса. Романтический и коммуникативный режимы поддерживаются разнообразными культурными репрезентациями.

На уровне повседневности артикулируются практики, соответствующие этому режиму, однако они составляют иную

Таблица 3. Режимы сексуальности: официальный и повседневный дискурсы

Официальные дискурсы: законы, СМИ, программная школьная литература, советское кино	Повседневные дискурсы: автобиографические и биографические нарративы
Гегемония гетеросексуальности; уголовное наказание секс-меньшинств до 1993 года, умолчание	Гегемония гетеросексуальности; дифференциация социальных сред по степени толерантности в отношении секс-меньшинств; гомосексуальность репрезентируется как девиация
Биологизированное, гендерно поляризованное гражданство, выраженное в разных предписаниях, адресованных мужчинам и женщинам в отношении их сексуальных потребностей и практик; двойной стандарт и мужская сексуальная доминанта	Гендерно иерархизированная и поляризованная сексуальность, предписывание мужчинам и женщинам различных сексуальных потребностей; утверждение сексуальной активности и биологической полигамности мужчин, пассивности и проблематичной сексуальности женщин
Синкретизм сексуальности и репродуктивности — ядро официальной политики сексуальности — поддержан идеологией, законодательством, культурными репрезентациями; брак — основная легитимная форма сексуальных отношений; материнство — приоритетная гражданская обязанность; допускается внебрачное материнство; пронатальная политика и идеология поддерживаются низкой степенью институциональной рефлексивности в отношении сексуальности (недостаточностью знаний, недоступностью эффективной контрацепции); следствием является «принудительное» или вынужденное материнство	Синкретизм сексуальности и репродуктивности составляет основу повседневных дискурсов о сексуальности, поддерживается социальной политикой, предоставляющей льготы матерям, и организацией приватной жизни, ядро которой составляет «расширенная нуклеарная» семья; нарративы о сексуальной жизни, в особенности у женщин, включают развернутые рассказы о беременностях, абортах, родах и воспитании детей; контрацептивную культуру можно назвать абортной; рутинизация страхов нежелательной беременности и опыта аборта характерна для женщин на протяжении всего репродуктивного цикла

Таблица 3. (продолжение)

<p>Романтический режим сексуальности составляет ядро масово-культурных репрезентаций (литература, кино, публицистика); любовь считается необходимым условием брака и деторождения; страсть репрезентирована как разрушительная и неодолимая сила, легитимирующая внебрачную сексуальность, в особенности для мужчин</p>	<p>Романтический режим составляет ядро повседневного дискурса, легитимирующего разные формы сексуальных отношений (в том числе добрые и внебрачные); данный режим представлен в рассказах о влюбленностях, любви, ревности, последовательной моногамии, страсти; страсть описывается в нарративах как неуправляемая, но неизбежная</p>
<p>Коммуникативный режим прямо не признается, однако опосредованно поддерживается дискурсами о дружбе, коллективности, солидарности; может выступать легитимацией брака</p>	<p>Коммуникативный режим составляет основу повседневных дискурсов, легитимирующих внебрачную и нерепродуктивную сексуальность и промискуитет; поддерживается значимостью социальных сетей в повседневной жизни; воплощается в рассказах о сексе на основе дружбы, общения, совместных дел и интересов; иногда репрезентирован как протест против официальных регламентаций</p>
<p>Рыночный режим официально пресекается (наказания за проституцию, осуждение браков по расчету и т. д.)</p>	<p>Рыночный режим распространен в некоторых социальных средах; в рассказах о жизни возникает категория «обмена» женской сексуальности на материальные блага (например, на дефицит разного рода) или на продолжительную материальную поддержку или социальное продвижение</p>
<p>Доминирование пуританизма в обсуждении сексуальности; сексуальное удовольствие артикулирует в рамках брачного сценария; гедонистический режим косвенно артикулирован в различных репрезентациях мужской «спортивной»</p>	<p>Гедонистический режим сексуальности представлен фрагментарно; косвенно артикулирован в различных репрезентациях мужской «спортивной» сексуальности; сексуальное удовольствие женщин часто описывается ими как проблема</p>

Таблица 3. (окончание)

<p>сексуальности; обсуждается в профессионализированных медицинских дискурсах как проблемы сексуальной дисфункции партнеров; медики признают гендерную асимметрию в сексуальном удовольствии мужчин и женщин</p>	<p>либо замалчивается и женщинами, и мужчинами</p>
<p>Темы рисков безопасности в обсуждении сексуальности замалчиваются, но присутствуют в профессиональных дискурсах; идеология рассматривает риски сексуальности как нарушение предписаний брачной моногамной сексуальности; появляется обсуждение групп риска как носителей нелегитимных сексуальных практик</p>	<p>Режим риска актуализирован в определенных средах, в конкретных ситуациях (отпуска и командировки), связан с эмансипированностью женщин и традиционностью мужчин, провоцирован промискуитетным поведением (употреблением алкоголя, общением с «чужаками», принуждением к сексу, насилием и т. д.)</p>

конфигурацию, с большей значимостью романтического и коммуникативного дискурсов сексуальности. Аспекты сексуальной жизни — пресекаемые, отрицаемые и осуждаемые официальными идеологиями (гомосексуальность, коммерциализация сексуальности, частично риски сексуальности) — признаются в повседневном дискурсе как характерные для определенных социальных сред и ситуаций. Официально осуждаемые и исключаемые практики замалчиваются, скрываются от окружения, в рассказах о жизни они проблематизированы. Официальный дискурс носит пуританский характер, однако в профессиональном и повседневном дискурсах обсуждается тема сексуального удовольствия (фрагментарно и гендерно асимметрично).

Постсоветский дискурсивный режим сексуальности

Начиная с середины 1980-х годов разрыв между публичными и приватными репрезентациями в сфере сексуальных отношений сокращается. Сфера сексуальности во многом освобождается от государственного контроля, идеологической цензуры,

признается в публичных дискурсах автономной естественной сферой человеческих потребностей, широко и неограниченно репрезентируется в профессиональной, масс-медийной, секс-индустриальной продукции. Возрастает внимание к телесности и сексуальным удовольствиям. Повышается институциональная рефлексивность в отношении либерализованных сексуальных практик, которую обеспечивают экспертные системы, профессиональные знания, масс-медиа, рынок, обслуживающий сексуальную сферу. Однако уровень институциональной рефлексивности все еще отстает от либерализованных практик. Сексуальные свободы не сопровождаются массовым ответственным сексуальным поведением, соответствующим представлением о «безопасном сексе». В новых условиях усиливается относительная значимость режима риска, в котором проблематизируются опасности, связанные с сексом. В проблематизации сексуальности участвуют конкурирующие публичные дискурсы. В либеральном дискурсе сфера сексуальности — это прежде всего просвещение, репродуктивное планирование и обеспечение сексуального здоровья. В консервативном дискурсе сексуальность репрезентируется как сфера социальных проблем, болезней и морального разложения. Консерваторы ориентируются на жесткую регламентацию сексуальных практик и утопию возврата к пронатальной брачной сексуальности.

Усиливаются разрывы между отдельными режимами, которым соответствуют разные сексуальные практики и идентичности. Рассмотрим режимы, учитывая их преемственность и разрывы по отношению к советскому периоду. Выскажем ряд положений, которые носят пока предварительный характер и нуждаются в дальнейшей проверке.

1. Сохраняется дискурсивный режим доминирующей гетеросексуальности. Одновременно растет толерантность по отношению к сексуальным меньшинствам, которые рассматриваются как концентрированные среды. На уровне повседневности происходит постепенное выделение гомосексуального милье в автономную сферу коммуникации и специфический образ жизни, имеющий свою социальную нишу и свое дискурсивное пространство.

2. Гендерная поляризация поддерживается и отчасти усиливается неотрадиционалистскими дискурсами (как либеральными, так и консервативными), которые подчеркивают природные

различия мужчин и женщин. Однако гендерная иерархия в дискурсах о сексуальности выражена не столь явно, как прежде. В публичных репрезентациях происходит сексуализация мужского и женского тела при доминанте сексуализированной женственности. На уровне повседневности признается биологическая природа различий между мужчинами и женщинами. Либеральные дискурсивные практики сексуальности сосуществуют с двойным гендерным стандартом. Признается наличие сексуальных потребностей у женщин. Сексуальная инициатива женщин остается проблематичной, но постепенно и она обретает свою дискурсивную и социальную нишу.

3. Брак и деторождение остаются ядром публичной политики сексуальности, однако в конкурирующих дискурсах брачный режим имеет разное смысловое наполнение. Для либерального дискурса брачный режим сексуальности предполагает реализацию индивидуального рационального выбора, для консервативного — брак и деторождение связаны с гражданской ответственностью перед нацией или выражают соответствие религиозным и нравственным нормам гетеросексуальности. В повседневности соотношение брака, репродукции и сексуальной жизни предстает как предмет планирования и регламентации совместной жизни, переговоров между партнерами, выбора и индивидуальных решений. Однако рационализация в сфере сексуального и репродуктивного поведения часто срывается из-за эффектов недостаточной институциональной рефлексивности. Как показывают наши исследования, осуществлению рациональной программы репродуктивного поведения, которой намереваются следовать молодые партнеры, противодействуют следующие обстоятельства (их список далек от завершения):

- недостаточность знаний в области репродуктивного поведения (при этом женщины обладают большим знанием, чем мужчины);
- недоступность подходящей контрацепции;
- отсутствие навыков в переговорах между партнерами по поводу сексуального и репродуктивного поведения;
- гендерная поляризация установок на ответственное сексуальное поведение (в том числе предписывание женщине ответственности за предохранение от беременности и за принятие решения о деторождении).

4. «Жизнь страстями» (Rotkirch 2000), характерная для позднесоветского поколения, оттесняется на периферию в публичных и частных дискурсах. Романтизация отношений свойственна только молодым, при этом в масс-медийном дискурсе романтизм приобретает эротический характер. Романтическому режиму оппонирует тенденция к рационализации, демистификации сильных чувств и страсти. Эта тенденция находит выражение в публичных и частных дискурсах. В биографических нарративах рассказывается о контроле над эмоциями, о рациональном поиске и выборе партнеров, о преимуществах браков по расчету. Романтическая любовь перестает выступать структурно образующим стержнем рассказов о сексуальности. Но страсть как не поддающееся управлению желание по-прежнему легитимизирует внебрачную сексуальность — не только мужскую, но и женскую.

5. Коммуникативный режим сохраняет свое значение в повседневности, усиливается в определенных средах, для которых характерен поиск и выбор партнера, разделяющего ценности и стиль жизни. Сексуальные отношения становятся предметом переговоров между партнерами и саморефлексии, средством индивидуализации и идентификации, выстраивания совместной биографии (Giddens 1991).

6. Рыночный режим, широко распространенный в масс-медийных репрезентациях, поддерживается обществом потребления и коммерциализацией сексуальности. Сексуальные отношения в повседневности описываются как сделка или обмен между обладателями разных ресурсов: сексуальной привлекательности, с одной стороны, и экономических, социальных или культурных капиталов — с другой. Практики спонсирования, проституции, в некоторых средах полная легитимация «института любовницы» получают все более широкое распространение и свидетельствуют о тенденциях гендерной иерархизации. Контракт между молодой, сексуально привлекательной женщиной и богатым мужчиной претендует на гегемонный тип сексуальных отношений.

7. Гедонистический режим составляет ядро репрезентаций в масс-медийном дискурсе, в секс-индустрии. Это автономная сфера сексуальных отношений, направленных на получение удовольствия. Тело и телесные ощущения репрезентированы в биографических нарративах как источник удовольствия, сек-

суальное желание обретает самостоятельный статус, пропагандируются и практикуются техники достижения максимального удовлетворения в сексе.

8. Режим риска — другое ядро публичных репрезентаций. В консервативных дискурсах сексуальность легитимизируется как тема публичного обсуждения в связи с социальными болезнями — в контексте проблем СПИДа, проституции, гомосексуальности, наркомании, насилия и т. д. Влияние на общество и его моральное устройство становится точкой отсчета для трактовки секса. Секс определяется как «опасный» (Кон 2005) и «рискованный». В биографических рассказах чаще появляются упоминания о насилии, заболеваниях, сексуальном принуждении, о связи наркотиков и секса, о разного рода рискованных ситуациях, с которыми сталкиваются рассказчицы и рассказчики.

Итак, в постсоветской сексуальности существует тенденция перехода от лицемерного дискурса о сексуальности советского периода к рационализации. Последняя находит выражение в выборе сексуального или брачного партнера, в определении сексуальных отношений как получения удовольствия или как обмена благами. Рациональные интенции присутствуют в планировании семьи и деторождения как части организации жизни индивида и пары, хотя такие намерения зачастую оказываются под угрозой срыва из-за недостаточной институциональной рефлексивности на уровне повседневности. С рациональными тенденциями пытается конкурировать консервативный дискурс, постоянно обыгрывающий риски свободной сексуальности, сочетающейся с недостаточной институциональной рефлексивностью.